

Александр Николаевич Попов

Мальтинская мадонна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А46

А46 **Александр Николаевич Попов**
Мальтинская мадонна / Александр Николаевич Попов – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 47 с.

ISBN 978-5-458-04146-1

ISBN 978-5-458-04146-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Попов Александр
Мальтинская мадонна

Александр Попов
Мальтинская мадонна
Повесть
Евгению Суворову

1

Весь август и сентябрь Прибайкалье изнывало от нудных дождей - холодной отвратительной мороси. Ивану Перевезенцеву, мужчине лет сорока двух, журналисту-газетчику, моложавому, стройному, но с пергаментно-утомленным лицом, порой представлялось, что он и окружающие находятся в дальнем морском плавании, а корабль их - вот эта промокшая, кто знает, не до самой ли сердцевины, земля. И сверху, и через борт, и Бог весть еще откуда хлещет вода на отчаявшихся, обозленных на судьбу и друг на друга людей, а твердь, увы, не просматривается ни с одной из сторон света. Под ногами два месяца хлюпало, чавкало - природа как будто насмеялась и издевалась над людьми, которым и без того нелегки маршруты жизни. Всклоченное, грязновато-серое небо запанибратски налегало на землю, и уже казалось, что не бывать просвету до самых снегов и морозов.

Однако в канун октября внезапно выкатилось на утренней заморзковой заре солнце - молоденькое, напуганное, будто держали его где-то под замком да в строгости. И установились ясные, золотистые дни, даже припекало после полудня как в июле. Небеса стояли высоко, а по-над землей до самой темноты струились сизоватые ленточки туманцев. Говорили, что бабье лето хотя и с некоторым опозданием, как нынче, но все равно пропоет свою светлую грустную песню.

Одним утром, наполненным лучистым туманным воздухом, Иван Перевезенцев с тонкой спортивной сумкой через плечо сел на иркутском вокзале в седоватую от росы электричку и поехал в Мальту, до которой по размахам Сибири всего ничего - километров семьдесят с небольшим. Электричка задорно свистнула, потряхивающе-кокетливо вздрогнула и легонько, будто на цыпочках, тронулась с места.

С деловитым гулким постуком минули мост через пенисто вспученный Иркут. Промелькали за окном какие-то заводы, склады, вагоны, городские и поселковые застройки. Сходились и расходились остро сверкавшие рельсы. Наконец, вымахнули на свободную двухколейную магистраль.

И полчаса поезд не находился в пути, а ужато, сутуло сидевшему Ивану стало казаться, что он мчится в этом тряском, внутри запы-

ленном, неприбранном вагоне уже долго-долго по безликой земле, и все не может прибыть в какой-то важный в его, Ивана, жизни пункт назначения. Он потер ладонями глаза, поматываяще встряхнул головой, зачем-то стал внимательнее смотреть за окно - на скошенные, коричневато-выжженного цвета поля и луга с лениво, неувлеченно пасущимся скотом, горбами скирд намоченного сена, на густо-зеленые, насупленные холмы на той стороне Ангары, на лоскутно-цветистые леса, на одинокие, почерневшие от обилия влаги дома рядом с рельсами; все знакомое Ивану, но казалось ему неприветливым, не ощущалось родным и чем-то нужным. Он невыносимо скучал и томился. И раздражался, раздражался. Раздражался, что качает и трясет, что не достаточно тепло в вагоне и очень пыльно, что люди дремлют и зевают, что кто-то не так взглянул на него, а кто-то и вообще не посмотрел в его сторону, что жестко сидеть, что запотевают окна, - все в мире было не по нему, все не так устроено и неправильно живет. Его длинные белые пальцы то замрут, то задрожат мелко.

"Куда я еду? Какая-то еще к дьяволу Мальта встряла в мою и без того неловкую и дурацкую жизнь? Что такое Мальта? Зачем она мне? - потряхивались в голове Ивана обрывочные мысли, не рождая, как было свойственно его мыслительным усилиям, чего-то законченного, ясного и непременно приносящего практические плоды. - Одно хорошо: в Мальте родилась моя мать. И ее двоюродная сестра там, кажется, еще живет... тетя Шура, такая маленькая, вечно спешащая женщина..."

"А может, я на Мальту еду? И не сегодня-завтра белоснежный круизный теплоход доставит меня на какой-нибудь умопомрачительный лазурный берег Средиземного моря, - косо усмехнулся он, зачем-то отворачиваясь от окна. - А может, господа хорошие, никакой Мальты и нету и никогда не было? Да и кому она, затерянная на просторах Сибири, нужна в нашем помешанном, нездоровом мире? Нам подавай что-нибудь великое, грандиозное, престижное, а тут, понимаете ли, какая-то железнодорожная станция Мальта, Богом и людьми забытая... Фу, брюзжишь, как трухлявый пень!"

В Мальту Иван ехал на курорт по профсоюзной путевке, и эта путевка в его жизни оказалась случайной; хотя - как посмотреть.

Иван Перевезенцев не сказать, что бы был обеспеченным человеком, но ему временами перепадали немалые деньжата, и он кое-что мог себе позволить в жизни и - позволял. Однажды отдохнул на престижном, модном курорте, и теперь ему было как бы неловко воспользоваться льготной профсоюзной путевкой на этот дешевый

курорт, потому что он причислял себя - с тщательно скрываемой, особенно перед менее удачливыми коллегами, гордостью - к людям состоятельным, к некоей элите общества. И действительно, он зарабатывал трудом журналиста неплохо. Владел просторной, доставшейся от умерших родителей прилично мебелированной квартирой, располагал загородным, но уже построенным на собственные средства домом с банькой, имел автомобиль. Иван слыл мастером "забойных", заказных материалов. Нужно было виртуозно, "правдоподобно" обелить денежного политика, промышленника, бизнесмена - шли к нему, нужно было ярким словцом поспособствовать в "пробивании" в депутаты темной личности - обращались к нему же.

"Ванюшка не брезгует никакой работенкой, - судачили коллеги. - Как закажут - так и намалует. Ушлый, однако, парень!.."

Но нельзя было не признать, что выходило у него ярко, интересно и, говаривали, небесталанно даже.

"Мое дело маленькое: я - ремесленник", - думал, наморщивая лоб, Иван.

Он привык, что востребован как автор, что о нем говорят, что ему завидуют. Он был уверен, что друзей у него нет, а все - коллеги да партнеры. Еще у Ивана не было жены и детей. И любимой женщины не было. Однако красивые, молоденькие особы из его холостяцкой, но ухоженной квартиры не выводились. Иван часто бывал любим, однако его сердце молчало, и нередко он сравнивал его с большой трубой, в которую крикнешь - и отзывается громогласными, искаженными, пугающими звуками. А потому, чтобы не испытывать ненужных неудобств, - лучше не кричать, не звать о любви.

"Пойми ты, глупышка, мое сердце пусто, как труба", - хотелось ему иногда предостеречь очередную пассию, страстно и настойчиво заявлявшую о своих правах на него.

Но любовь он ждал, как вообще свойственно человеку чего-то ждать ждать, к примеру, весну или зарплату.

Заказная жизнь раздражала его. Порой выстрелом раздавался в нем или как будто рядом вопрос: "Так ли живешь?" Хотелось чего-то настоящего, основательного, глубокого и - честного, просто честного. Но сил измениться, встряхнуться, перевероршить или даже перевернуть свою жизнь не доставало.

"Старею, что ли?"

Вечерами Иван приходил в свою холостяцкую квартиру. Не зажигая свет, в верхней одежде валялся на диван и пялился в потолок; даже телевизор не хотелось включать - казалось ему, что отовсюду

ляется и сыпется грязь, ложь, труха чего-то отжившего. И на телефонные звонки назойливых подруг не отвечал, позволял им выговориться в автоответчик. В квартиру неделями и другой раз месяцами никого не впускал и не приглашал. Хотелось одиночества. Хотелось в тишине, в затворе что-то в себе услышать - такое робкое и неуверенное, но - сокровенное.

"Что такое слово? - размышлял Иван. - Говорят, словом можно убить. Предположим, выехал на магистраль с интенсивным движением неумелый, да еще к тому же выпивший водитель - и что же? Куролесит на всю ивановскую. Пешехода сбил, в машину врезался. Людям принес горе, да и свою жизнь изломал. Не то ли самое и моя работа, моя эквилибристика со словом?.."

Но такие мысли злили Ивана: словно бы некто вредный поселился у него внутри и мучает, ранит разоблачениями. Чтобы избавиться от назойливых излишних мыслей и чувств, он хватался за телефон. Звонил какой-нибудь своей легкомысленной подружке. Или спешно включал телевизор.

Вчера кто-то подкараулил Ивана в сумрачном подъезде, выскочив из потемок под лестницей, и ударил чем-то тяжелым и тупым по голове. Пока не затянуло сознание, Иван успел расслышать:

- Не лги, сученок, на порядочного человека!

Очухался Иван. На карачках добрался до своей квартиры. Долго держал голову под струей холодной воды. Не до крови разбили, но лицо отекло, почернело; выглядел, как с глубокого похмелья.

Иван не испугался, потому что прекрасно понимал: если бы намеревались убить, то убили бы сразу, а так - отомстили, по всему видно, за какой-то заказной материал, припугнули. Но в душе мутило. Всю ночь не спал. Утром, грязновато-желтый, с тенями под глазами, опухший, переговорил с главным редактором, попросился в отгулы да в отпуск без содержания недели на две-три. Чувствовал, необходимо на какое-то время скрыться от людей и дел, привести свои мысли и душу в порядок, если не поздно. В профкоме посочувствовали, предложили путевку в Мальту, назвали сумму - она была просто смешная. И в отделе трунили над Иваном:

- Не в Мальту - не верь своим ушам! - а на Мальту поедешь, счастливчик, за копейки-то.

В профкоме Ивану сказали честно, что никто, даже уборщицы и рассыльные, не желали ехать в Мальту: сам поселок суцая глухомань, а курортный комплекс находится рядом с железной дорогой с одной стороны, с другой же невдалеке пролегает шумное федеральное шоссе. Жилье убогое, обслуживание примитивное, развлечений

- никаких, кроме танцев в поселковом клубе, питание наибанальнейшее, только и доброго - лечебные грязи да солевые ванны. Однако для пользования ими, оказывается, курортный автобус возит несчастных курортников в ближайший город - в Усолье, за пятнадцать километров. Что за курорт такой? Одно, по всей видимости, недоразумение! Но путевка дешевая, очень дешевая, "горящая" - надо уже завтра поутру выезжать.

Дома, побросав в сумку кое-какие вещички, в рассеянном, угрюмом настроении выехал, не сопротивляясь судьбе, может быть, впервые в своей жизни.

Электричка мчалась и свистела. Голова у Ивана еще побаливала, на затылке прощупывалась шишка, но отек с лица спал, тени под глазами пожелтели. Но главным было другое - в душе отчего-то становилось легко и светло. Солнце, быстро вызревающее, смотрело прямо в глаза Ивану. Лучи грели, ласкали. За полноводным мутным Китоем то подступят к железной дороге леса, то распахнутся поля, на которых трудились люди и техника. Медово, цветасто вспыхивали вдали рощи. Колесные пары отстукивали под сиденьем, а Ивану мерещилось - постукивали во всем его теле, особенно в висках, какие-то бойкие неутомимые молоточки, будя его мозг и душу для какой-то важной, не терпящей отлагательств умственной и душевной работы. Но ни о чем серьезном думать не хотелось. И в душе - чуть вздрогнет, но тут же утихнет.

И почувствовал ободрившийся Иван: вот сейчас выйдет из уже притормаживающей возле Мальты электрички, осмотрится и - что-то новое начнется у него, более значительное, чем до сего дня, до сей минуты.

Но он уже умел не доверять своим чувствам.

* * * * *

Мальта предстала перед Иваном сущим неумолимым захолустьем. Поселок располагался справа и слева от железнодорожных путей. Самым высоким и примечательным в эстетическом отношении строением оказалась водонапорная башня времен Великого пути, то есть начала 20 века, - с основой из крупного камня, изящно-стройная, с крышей в виде остроконечной монгольской шапки. Деревянные выцветшие домики, покосившиеся, дырявые заборы, разбитые, с глубокими колеями дороги, одичало-буйно разросшиеся вширь и вверх тополя и черемухи, пустынные улицы, пьяный, мотавший встрепанной головой мужик, прислонившийся к стене магазина, - на что смотреть? Единственно, что показалось Ивану здесь живым и интересным - разветвленный железнодорожный узел,

движение по рельсам оглушительно-важно гудевших тепловозов, деловитый скрежет вагонов, вихревой шум проносившихся мимо составов, а так - тихо, патриархально, уныло. Иван не хотел зевать, но - зевнул. Ему на минутку померещилось - солнце перестало светить, и вот-вот снова хлынет дождь. Но сквозь ветви осыпающихся тополей и черемух он разглядел чистый горизонт, высокое голубое небо, и притворился перед самим собой, что вполне доволен жизнью.

Курортные корпуса располагались в сосновом бору вблизи железной дороги. Иван язвительно поморщился. "Ну, какой же может быть отдых чуть не под вагонами? А впрочем, какая разница, где спрятаться от своих мыслей?" - И он размахисто закинул за плечо сумку.

Перепрыгивал и обходил лужи. В главном корпусе оформился; поселился в длинном деревянном бараке в одной комнате с двумя пожилыми мужчинами. Один, рослый, седобровый, добродушный дядька лет пятидесяти пяти, представился гимназическим преподавателем истории Садовниковым. Второй, щупловатый, с хитренькими подголубленными глазками, но весь какой-то мятый, потертый и будто бы пропылившийся; оказался пенсионером со стажем, бывшим складским работником. Отрекомендовался своеобразно:

- Честь имею представиться: Конопаткин Илья Ильич, не бомж, сразу предупреждаю, но проживаю в "Москвиче". Уж десятый годок! Супруга, видите ли, прогнала, как пса со двора. С бабеночкой застукала. В "Москвиче" и подловила, ги-ги-ги! А сюда прибыл, чтобы по-человечьи поспать. - И наигранно зевал и потягивался, успевая отхлебывать из бутылки пива. - Налить вам? Угощайтесь, не стесняйтесь! - простодушно предложил он Ивану из своей початой бутылки. - А может, мужики, по сто грамм сообразим? Ги-ги-ги!

Иван представился журналистом, но своей фамилии не назвал. От пива и ста грамм отказался. Повалился в одежде на скрипучей железной кровати, с необъяснимой отрадой чувствуя затылком свежую сыроватую наволочку, обоняя запахи беленых стен, прокляенных газетами оконных рам, всматриваясь сквозь сверкающее окошко на лоскут чистого - все еще чистого! - неба. Закрывал на минуту глаза, чтобы обьятнее почувствовать нежное томление, зачем-то и без видимых причин охватившее его душу. Хотелось радости, простоты и легкости.

Поговорили о том, о сем. Садовников и Конопаткин наперебой хвалили местные лечебные грязи и солевые ванны: обезноживших-де ставят на ноги, просто чудотворно омолаживают, приехал согну-

тым и злым, уедешь гоголем, жизнелюбцем, а женщин от бесплодия излечивают. Валит сюда народ, хотя место, мягко говоря, неудобное.

Делать в комнате, маленькой и тесной, было совершенно нечего, вышли на улицу. Солнце ярче сияло в ветвях высоких сосен, по тропкам, заваленным листвой, хвоей и шишечками, гуськом бродили курортники, чаще - пожилые. Иван заметил молодую, одетую в стильное, но не броское сиреневое пальто женщину. Она скромно сидела на краю обшелушившейся лавочки в тени бордово угасающей черемухи и вежливо, но все же с притворным вниманием слушала двух укутанных козьими шальями дам, которые щебечуще, как птицы, что-то ей рассказывали, перебивая друг дружку. Она ласково, молчаливо улыбалась женщинам, а те, показалось Ивану, словно бы старались изо всех сил рассказывать интереснее, чтобы заслужить еще и еще ее внимание и такую очаровательную улыбку.

Странное чувство посетило Ивана - ему показалось, что он знает, причем весьма хорошо знает эту молодую привлекательную женщину. Ей не было, кажется, тридцати, но морщинки слегка тронули ее утомленное смуглое лицо. Выделялись ее большие глаза - черные, блестящие, внимательные. Непривычное в современном мире - ее коса, перекинута через плечо, - толстая длинная настоящая коса!

"Где же я мог ее видеть? Знакома, так знакома..."

Но он не вспомнил.

- Видать, от бесплодия приехала полечиться, - шепнул Ивану юркий Конопаткин, выныривая у него возле левого плеча. - Эх, будь я таким же молодым, как вы, Иван Данилыч, я б ее полечил, голубоньку! - по-жеребьячи загигикал он, потирая свои маленькие мохолистые ладони.

Иван нахмурился, сверху вниз взглянул на Конопаткина, приметил волоски на кончике его остренького носа. Промолчал, отвернулся.

Все трое поклонились этим женщинам. Завязался скучный разговор - о погоде, о процедурах, о железной дороге, о пьяном дворнике, который блаженно спал на куче сгребенной им листвы. Познакомились. Молодую женщину звали Марией, а двух ее соседок по комнате... впрочем, Иван не запомнил. Процедуры начнутся лишь завтра, а до обеда еще три часа. Садовников предложил прогуляться на берег Белой.

Как-то незаметно разбились дорогой на пары. Иван оказался рядом с Марией. Робел посмотреть в ее лицо, однако, исподволь, краем глаза любовался ею. Ему хотелось побольше узнать о ней, и

она, не таясь, не лукавя, отвечала на его осторожные вопросы. Жила она с мужем в Иркутске, работала продавцом парфюмерии; не утаила, что приехала сюда лечиться от бесплодия. Он слушал ее, но ему казалось, что он слышит что-то большее, чем ее тихий, надтреснутый голос. И слова-то простые, а все ему представлялось - что-то другое, более значимое и высокое, должны они обозначать, если произносит их такое милое, умное, светлое, но, кажется, глубоко опечаленное существо.

"Значит, видел я Марию где-то в магазине, а откуда еще я могу ее знать?"

Однако Ивана не оставляло чувство, что он знал Марию раньше как-то иначе, не как продавщицу.

Миновали поселок, сонноватый, безлюдный. Прошли мимо вытянутой огурцом запруды, запущенной, густо поросшей камышом и осокой, перебежками пересекли оживленное шоссе и вскоре оказались на высоком, травянистом берегу Белой невдалеке от длинного железобетонного моста, по которому, подчиняясь предупреждающему знаку, медленно тянулись в обоих направлениях вереницы автомобилей. Река текла широко и напряженно. Замутненные воды поднялись высоко, скоблили обширно подтопленные берега, скрыли островки, оставив над стремниной дрожащие, все еще густо-зеленые ветви берез и тополей. На противоположной стороне лежали холмистые, порыжевшие луга, по которым мелкими гуртами бродил скот. В самой дали ломали горизонт таежные леса. Воздух - чистый, свежий, наполнен запахами сырого суглинка, истлевающей листвы, дымящейся на огородах прелой ботвы. Примешивались запахи бензина и выхлопных газов, но не раздражали. За спинами в привычном урбанистическом мареве дымили гигантские трубы химических производств Усоля-Сибирского. Но эти мощные создания рук человеческих показались Ивану чем-то естественным, нужным: он был уверен, что трубы и дым не нарушали жизни этих лугов и холмов, лесов и перелесков, реки и неба. Весь мир представился Ивану гармоничным, великим и - правильным. Иван начинал чувствовать себя свободно и спокойно, словно бы не было за его плечами большой, неровной жизни, раздражения последнего времени, тяжелых мыслей.

С нараставшим волнением он смотрел на тихую, строгую Марию, и ему хотелось понять, каково ее настроение, угадать ее мысли. Ему отчего-то захотелось, чтобы ее внутренняя жизнь была созвучна его чувствам и ощущениям.

"Что, втюрился, дурачина?" - мысленно одернул он себя, но од-